

ГЕНЕРАЛ

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

Вето на девочку

Виктория Волкова

Генерал

«Виктория Волкова»

2023

Волкова В. Б.

Генерал / В. Б. Волкова — «Виктория Волкова», 2023 — (Вето на девочку)

Дослужившись до высокого звания, я никогда не думал, что смогу влюбиться. В девчонку, годящуюся мне в дочери. Никогда не думал, что могу пропасть от любви. Задохнуться. И только сделав Катерину своей, почувствовать себя живым. Этот мужчина давит. Чувствую его постоянно и боюсь до дрожи. Властный и сильный, он заполняет все пространство вокруг. Только бы справиться с эмоциями и выстоять. Но забыв о здравом смысле, тянусь к нему, как мотылек, летящий на пламя.

© Волкова В. Б., 2023

© Виктория Волкова, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктория Волкова

Генерал

Глава 1

– Оба-на, какая цыпочка! – восхищенно присвистывает Леша Панкратов, мой давний водитель. – Вам видно, товарищ генерал? Справа по борту.

Неохотно оторвавшись от сотового, поворачиваю голову к окну. И улыбаюсь довольно. Словно наперерез нам по соседней аллее быстрым шагом идет красотка. Волнистые волосы ниже плеч, хорошая фигурка. Я пока не вижу ее лица, да и фигуре, скрытой дурацким спортивным костюмом с начесом, придется только догадываться. Но ножки длинные. Из-под стеганного жилета выпирает грудь. Четверочка, не меньше...

– Отпуск будет зашибись, – радостно ржет Панкратов.

– Да я и не сомневаюсь, – роняю равнодушно. Обычно я не ищу подружек. Они сами набиваются. Только тут, в частном санатории у меня в запасе пара девочек из obsługi. Но я все равно хочу разглядеть эту.

– Притормози, – прошу водителя. А сам как дурак пялюсь на подошедшую к кустам девицу. Лица пока не разобрать. А вот попа зачетная.

– Эй, вы где? – зовет кого-то красотка.

И тот час же на аллею выходят две собаки, они тут уже несколько лет слоняются. Черный большой Маркиз и рыжая Лайза чуть поменьше.

Девчонка наклоняется к ним. Видимо вываливает унесенный из столовки завтрак в припрятанную в кустах миску. Собаки как по команде начинают есть. А я как дурак, откровенно пялюсь на упругую круглую попу.

Стянуть бы эти дурацкие штаны и трусики. Провести ладонью по ягодицам и слегка шлепнув, повернуть красотку к себе.

Словно услышав мои слова, она распрямляется. И резко, будто почувствовав на себе взгляд, поворачивается в нашу сторону. Изумленно смотрит на машину. А затем, круто развернувшись, быстрым шагом идет прочь.

Успеваю заметить лишь красивое личико без капли макияжа, широко распахнутые глаза и припухлый рот, в который так и хочется ворваться языком.

Что-то в душе ёкает, заставляя сердце ускорить ритм.

– Красивая, но не в моем вкусе, – выдыхаю, стараясь придать голосу больше равнодушия. И не знаю, кого убеждаю больше. Панкратова или себя.

– Что так? – нахально интересуется он, смотря на меня из зеркала заднего вида.

– Молодая слишком. Лет восемнадцать, наверное... Меня, Леша, детский сад не интересуется.

– Ну ясен пень, товарищ генерал! – понятливо восклицает Панкратов.

За несколько лет службы со мной он прекрасно знает о моих предпочтениях. Дамочки за тридцать. Состоявшиеся в бизнесе красавицы. Иногда разведенные, или убежденные холостячки, которым от меня кроме траха ничего и не надо. Да я им ничего и не обещаю. Отличный симбиоз взрослых людей, знающих себе цену.

А тут... птаха, ети задрить!

За такой ухаживать надо. Таскать букеты с конфетами и читать стихи при луне. А я не умею. Не обучен.

– Приехали, товарищ генерал, – предупредительно кашляет Димыч. А меня прям распирает от удовольствия.

Генерал Ордынцев. Звучит-то как, зашибись!

Новое звание мне присвоили пару месяцев назад. Только я не успел толком даже поздравления принять. Свалился с этой новомодной заразой, обеспечившей мне поражение легких на пятьдесят два процента. Сначала в реанимации валялся, потом в госпитале месяц, а сразу после выписки взял отпуск и поехал в частный санаторий.

Выйдя из машины, расправляю плечи и вдыхаю чистый горный воздух полной грудью.

– Василий Петрович, дорогой, – несется от двери. И навстречу мне бодрой походкой направляется крепкий мужик в белом халате. Доктор Макаров. Главный врач.

– Здравия желаю, – пожимаю крепкую руку.

– Поздравляю от души с новым званием! – улыбается Евгений Ильич. Что-то тараторит про самого молодого генерала России. Так и есть в общем-то. Только кастинг никто не проводил. Может и моложе найдутся. А так... В свои тридцать восемь я дослужился до звания генерал-майора. Сам не ожидал!

– Я живу в первом люксе? – спрашиваю, когда заканчиваем с политесом. Обычно я останавливаюсь там. Поэтому вопрос больше риторический.

– У нас возникла накладка, – коротко замечает Макаров. – Вы живете в третьем люксе. Он такой же. Только в другом конце коридора.

Ясен пень, что такой же! Вот только в первый можно попасть незаметно. Он в дальнем конце. За углом. И рядом лестница. Боковая лестница с отдельным входом. А третий около лифтов у всех на виду. И девочки мои, что после смены прибегают незамеченные, теперь десять раз подумают, соглашаться или нет.

Согласятся, конечно! Но по-любому головняк.

– А поменять никак нельзя, – спрашиваю вкрадчиво. – Я бы доплатил.

– Нет, – печально качает головой Макаров. – Мы бы сами поменяли при первой же возможности. Но первый люкс занят и надолго.

– Да ничего страшного, – отмахиваюсь я, наблюдая, как сержант достает из багажника мою спортивную сумку. – Мне все равно, – улыбаюсь, пожимая плечами.

– Вот и хорошо, – выдыхает главный врач. – А то я что-то волновался, как воспримете...

– Ну если переиграть нельзя, – вздыхаю театрально и вслед за главным врачом направляюсь к крыльцу.

Настроение сразу портится, а мозг, зараза, пытается вычислить обитателя первого люкса. Кто там такой выше меня по званию окопался? Маршал, что ли? Но спрашивать у Макарова не хочу. Нет смысла. Он если захочет, сам скажет, а не захочет, клещами не вытащишь. Да и не надо. Тут в нашем славном мирке у меня свои осведомители. Через пару часов буду точно знать.

– Доброе утро, дядя Женья, – здоровается кто-то с главным у меня за спиной.

– Здравствуй, Катюша, – добродушно отвечает Макаров.

Отступаю в сторону, пропуская вперед даму. И удивленно утыкаюсь взглядом в взволнованное нежное личико любительницы собак.

На щеках играет румянец, на губах улыбка, которая гаснет, стоит только девчонке посмотреть на меня. Большие карие глаза расширяются от страха. Но девчонка быстро берет себя в руки. Проскакивает вперед и бежит в сторону угловой лестницы.

Странная ситуация. Она кого испугалась? Меня?

– Нам сюда, – широким жестом указывает Макаров на лифты. А я как дурак смотрю вслед странной девице, скрывшейся за углом. И кажется, точно знаю, кто занял мой первый люкс.

Глава 2

Василий

– Отдыхай, – киваю я водителю, расположившемуся на диване в гостиной. А сам наскоро принимаю душ и, переодевшись в спортивный костюм и сланцы, выхожу на разведку. Сначала направляюсь на массаж. Больная спина, затекшая в дороге шея – прекрасные отмазки для внеочередной процедуры. Потом к доктору надо заглянуть. Получить санаторно-курортную книжку.

– Василий Петрович, – окликает меня на полпути дежурная медсестра. – Ирина Александровна уже освободилась. Можете пройти.

– Да-да, конечно, – киваю спокойно. Делаю вид, что туда и направлялся. И войдя в кабинет к пышногрудой розовошекой блондинке, невесть какими стараниями умудрившейся при таких данных стать отличным врачом, начинаю с порога жаловаться.

– Нужна восстановительная терапия, – выносит она вердикт. – Капельницы, массаж, ингаляции и бассейн. Только как не в прошлый раз, Василий Петрович, – сморит на меня с упреком.

– Все осознал. Исправился, – замечаю серьезно. И заметив на губах еле уловимую улыбку, прошу. – Мне бы на массаж сегодня попасть. Спина раскалывается...

– Да, обязательно, – соглашается докторша и что-то старательно печатает в компьютере.

– А кто там в первом люксе живет? – спрашиваю равнодушно. – Может кто из знакомых. А то обидятся, что не зашел поздороваться...

– Наверяд ли вы знакомы, – роняет поспешно Ирина. – Нам запрещено давать информацию о гостях. И с этого года у нас новые учредители. Все очень строго и серьезно.

– Да? А кто?

– Родственники Евгения Петровича, – замечает она скороговоркой, будто выдает самый главный секрет. – И первый люкс выведен из номерного фонда. Это теперь частные апартаменты.

О как интересно! Мысленно прокручиваю варианты. Вероятно, пугливая девочка родственница новых хозяев. Нужно пробить. Узнать, кто там теперь у руля. Может, соваться сюда нельзя было. В нашем деле главное репутация.

«Пробей, кому теперь принадлежат «Сосны»» – отправляю сообщение помощнику. А сам войдя в массажный кабинет, улыбаюсь во все тридцать два.

– Здравствуйте, Олечка, – пою нараспев и действительно очень рад встрече. Ольга из всех местных массажисток самая толковая. По люксам она не бегаёт, но руки золотые. И язык без костей.

– Здравствуйте, Василий Петрович, – строго и с достоинством произносит она. – У вас назначено?

– Да вот, только от врача, – протягиваю санаторно-курортную книжку.

– Проходите, – улыбается скупно. И как только закрывается дверь, докладывает как своему.

– У нас тут руководство новое. Шкурников продал свою долю москвичам. А эти сразу свои порядки установили. Многих девчонок уволили. Жанну, Людочку...

– Да ты что? – охаю изумленно. Совсем плохи мои дела.

– Мы с Людочкой на связи постоянно. Хотите, телефончик дам?

– Да у меня записан, – отмахиваюсь недовольно. – Позвоню ей обязательно.

– У вас теперь тут все по-другому, – уточняю, укладываясь на кушетку. – Шея затекла ужасно, Оль. И в пояснице ломит. Старый я стал...

– Ой наговариваете, товарищ генерал, – смеется она, разминая затекшие мышцы. – Такие как вы, товар штучный. Настоящий генофонд.

– Да ладно тебе, – бурчу, опуская лицо в дыру массажной кушетки. И вещаю оттуда, прикрыв глаза. – Я так понял, новые хозяева себе первый люкс прибрали.

– Можно сказать и так. Дочка главного учредителя там живет.

– Одна?

– С личной прислугой и охраной, – поспешно роняет Ольга.

– Даже так, – усмехаюсь я. – Больная?

– Нет. Просто мажорка. Захотела тут поселиться. Папа и купил санаторий. Или скрывается от кого. Наши, кто с ней работал, подписку давали о неразглашении.

Перед глазами тут же встает испуганное личико девчонки. Одни глаза чего стоят! Сердце пропускает удар. А в горле застревает воздух стоит только о ней подумать... Как-то не верится в мажорку. Не похожа она. Но первый люкс говорит сам за себя.

– И кто у нас папа? – интересуюсь, поднявшись с кушетки.

– Это дочка Диминова, – цедит недовольно Ольга. И замечает будто в пустоту. – Екатерина Александровна.

Поднявшись с кушетки, натягиваю майку. А у самого в глазах стоит девчонка. Добрая, светлая. С ямочками на щеках.

«Ну какая она мажорка?», – размышляю направляясь в свой номер. И тут же одергиваю себя.

Не суйся туда, Вася. Девчонка молодая. Дочка богатенького папы. К такой подходить опасно. По каждому пункту минус. Ей бы мажора какого в мужья. Чтобы пылинки сдувал и водил по тусовкам.

А мне простая подруга нужна. Без затей и закидонов. Нужно Люде позвонить. Можно к ней в город смотаться. Нужно позвонить.

Но вернувшись в номер, насмешливо смотрю на уснувшего Панкротова. Этот хоть стоя в автобусе задряхнет!

Пройдя в спальню, падаю на кровать. После массажа клонит в сон. Люде бы позвонить. Но не сейчас... потом.

«Что там по учредителям?» – напоминаю помощнику.

«Димиров Александр Георгиевич, Лиманский Герман Владимирович. Строительная компания «Эрна», – приходит ответ.

«Пробей мне еще. Диминова Е.А.» – пишу официально, стараясь не привлекать внимания.

«Работаем», – отписывается помощник.

А я, откинув телефон в сторону, прикрываю глаза. Посплю, а потом позвоню Люде. Но уснуть не удастся. Снова вспоминаю Катю Диминову. Вот она идет по дорожке к кустам. Вот треплет собак за шкуру.

Ну какая мажорка, блин!

Гламурная девица обошла бы десятой дорогой и собак, и сам санаторий. Такие предпочитают Ибицу и Куршавель, или нашу Розу Хутор.

А девочка эта... Нежная такая и добрая. Надо же. Собак кормит.

Губы сами собой растягиваются в улыбке, стоит только представить Катю, наклонившуюся к животным.

«А попа зачетная», – думаю ухмыляясь. И тут же осаживаю себя. – Какая попа? Ты совсем охренел, Вася? Да к такой подходить нельзя. Там на лбу неоновые буквы светятся «Руками не

трогать». И охрана с табельным караулит. Девочка эта, хоть и красивая, тебе на фиг не сдалась. Слишком много проблем».

Но руки сами тянутся к сотовому. И пальцы печатают быстро.

«Мне нужно максимум инфы по Димировой. Срок сегодняшней вечер».

Глава 3

Катерина

Настроение безотчетно портится, стоит только заметить остановившийся на дороге черный мерс. Кто бы там ни был, но человек наблюдает за мной. Других отдыхающих в парке нет. Сразу после завтрака народ обычно тянется на процедуры и выходит прогуляться только ближе к обеду.

А я еще наклонилась. Представляю, какой там обзор. Раньше бы просто посмеялась. А сейчас сжимаю кулаки, стараясь унять дурацкую дрожь.

«Дыши, – приказываю себе, быстрым шагом направляясь вглубь парка. И дышу. Один глубокий вдох, потом пауза, потом глубокий выдох. Помогает немного, но вот гулять уже совсем не хочется. Нервно очень.

Что это за машина? Кто к нам приехал? Наверняка, отморозок какой-то. Раз позволил себе глупую пацанскую выходку.

Обвожу взглядом санаторий. Он маленький. Всего одно здание, больше похожее на старинный купеческий особняк, чем на здравницу. Но я тут прижилась. И никуда уезжать не собираюсь. Наверное, поэтому и реагирую остро. Иду по аллейке, пиная ногами опавшие листья. Воткнув наушники в уши, врубаю музыку. Обычно действует безотказно. Но сегодня хочется забиться в угол и затаиться. Как глупая мышь.

Чуть ли не бегом возвращаюсь обратно. Кто бы там не приехал, настроение он мне испортил. Экое скотство рассматривать человека как понравившуюся игрушку. К горлу подкатывает тошнота. Год назад я приняла такой взгляд за любовь. И поплатилась. Притормозив, гляжу на небо. Я жива. Жива. Остальное все сложится. Есть кому помочь и защитить. Я не одна.

Повторяю словно мантру каждое слово и быстрым шагом направляюсь к дому. Издалека замечаю припаркованный черный мерс и двух его пассажиров. Вернее, пассажир один. Второй точно водитель. Невысокого роста, пронырливый тип.

А вот кто наंबर ван и так понятно!

Крепкий поджарый мужчина в черных джинсах и в таком же свитере. Большой начальник. Такого ни с кем не спутаешь. В каждом движении чувствуется власть. Как держит себя, как говорит. Как пожимает руку Евгению Ильичу Макарову, нашему главному. Тот в чем-то пытается убедить. А гость лениво слушает и наконец соглашается.

Сейчас бы прошмыгнуть незаметно.

Но Макаров инстинктивно поворачивается. А биг босс светски пропускает меня вперед.

Успеваю лишь мякнуть «Здравствуйте, дядя Женя!» и влетаю в здание. За спиной слышу шаги. Чувствую заинтересованный взгляд незнакомца, прожигающий мне спину. Нос улавливает слабые нотки парфюма. Приятный запах. Смесь древесного аромата и цитрусовых.

Инстинктивно оборачиваюсь, стараясь рассмотреть человека, напирającego сзади. Слишком он близко от меня. Не держит дистанцию. И это давит, заставляя бежать. Стоокнувшись взглядом с омутом карих глаз словно плетью получаю по обнаженным нервам. Большой крепкий мужчина смотрит жадно и насмешливо. Дескать, куда ты денешься, девочка.

«Беги! Беги!» – вздымается грудь, заставляя меня задыхаться.

Влетев в апартаменты, выдыхаю. Все. Я в домике. Пью воду на кухне и выхожу на террасу.

«Перестань, – уговариваю саму себя. – Это совершенно посторонний человек. Они даже не похожи. А ты перепугалась как курица дурная!»

Нужно отвлечься. Забыть. Завтра все покажется в другом свете и будет стыдно.

Быстрым шагом прохожу в кабинет, где стоит мольберт и разложены краски. Но рисовать сегодня совершенно не хочется.

И все из-за левого мужика! Смешно, честное слово. Мысленно смеюсь над собственной паникой.

Димирова, дурочка! Увидела красивого мужчину и испугалась. Давно ты стала от людей шарахаться?

Пальцы безотчетно касаются шрама на правом запястье. Замираю лишь на долю секунды. Привиделось. Опять.

Тот, о котором нельзя вспоминать.

Паника липкими шупальцами бежит по позвонкам.

«Прекрати, он не найдет тебя», – подойдя к окну, обнимаю себя за плечи. Смотрю на белеющие вершины гор. На лес, тянущийся по склонам. Но если честно, меня колбасит от постороннего человека. Ну посмотрел с интересом, подумаешь! Попа ему понравилась. Но ты же знаешь, что ему ничего не обломится.

Ничего!

Пейзаж за окном успокаивает. Может, поэтому я не хочу уезжать отсюда. Да и сама жизнь вдали от суеты кажется мне осмысленной. Никуда не бежать, никому ничего не доказывать. Просто жить. Рисовать. Танцевать. И ничего не бояться.

Шагнув к мольберту, смотрю на почти законченную картину. Озеро, лесок, домики на пригорке. Осталось немного довести свет до ума и можно отправлять маме. Она мои картины любит. Губы сами расползаются в улыбке. Как же я за всеми соскучилась.

– Мам! – кричу подхватывая трубку. – Приезжайте ко мне.

– Катюш, постараемся вырваться, – вздыхает мама. – Но я уже на работу вышла.

– А Алиска с кем? – спрашиваю про младшую сестру.

– С бабушками, – снова вздыхает мама. Рассказывает что-то о моей годовалой сестре.

Смеюсь, прогоняя прочь утренние страхи и заодно и их виновника. Мужчина красивый. Одна фигура чего стоит. Широкие плечи, узкие бедра. И взгляд. Колючий, обжигающий.

С таким бы бачату потанцевать?

Представляю, как крепкие руки ведут меня в такт музыки и снова дрожу. На этот раз от желаний. В бачате танец ведет мужчина. А партнерша должна ему полностью довериться. Я долго привыкала.

«Прекрати, – останавливаю себя. – Какая бачата? Он же по пояс деревянный. Наверняка, только маршировать может».

Военный, судя по выправке. А значит большой армейский начальник. Вон как дядя Женя вокруг него скакал.

– Катюша, ты про массаж не забыла? – окликает меня помощница Лара. Не знаю, чем ей обязан мой отец, но она со мной уже год. Добрая бесхитростная женщина.

– Ой, точно! Спасибо, что напомнили, – спохватываюсь я. Смотрю на часы. Вроде еще успеваю.

А когда влетаю в кабинет Ольги Михайловны, она смеется довольно.

– Вот и солнышко мое. Ложись скорее, Катенька.

За год проживания в «Соснах» я привыкла к излишне ласковому тону персонала. Хотя первое время слух резало и казалось слишком приторным.

Стаскиваю с себя толстовку и майку. Укладываюсь на кушетку и снова дергаюсь, когда слышу знакомый аромат. Или мне кажется.

Наверное, я схожу с ума. Не мог же тот мужик уже прийти на массаж. Или мог? И Ольга должна менять махровые простыни на кушетке за каждым клиентом. Такой у нас стандарт. Никаких одноразовых постилок.

– Ты сегодня какая-то нервная, – слишком заботливо отмечает Ольга, укладывая ладони мне на спину. – Что-то случилось?

– Все нормально, – упираюсь лбом в руки. Так хоть дышать можно.

– Видимо в воздухе витает напряжение, – глубокомысленно замечает массажистка, принимаясь за работу. – Все «Сосны» на ушах стоят. Генерал приехал. Ильич наш как торпеда носится. Не знает как угодить. Девушки с утра с прическами пришли. Сейчас начнется игра «Выбери меня».

– Генерал? – переспрашиваю лениво.

– Самый настоящий, – весело докладывает массажистка. – Недавно звание присвоили. Он к нам уже много лет приезжает. Всех знает, всех любит.

В голосе Ольги звучит намек и насмешка.

«Значит, генерал! – отмечаю, закрывая глаза. – Такие в «Соснах» долго не задерживаются. Вина попьет в номере, в бане попарится и обратно. И все. Труба зовёт».

Проворные руки Ольги, расслабляя бегут по позвонкам. И к концу сеанса я напрочь забываю о мужчине с военной выправкой, о его мерседесе, генеральских погонах и жадных глазах.

А когда прихожу на обед в вип-зал нашей столовой вздрагиваю от неожиданности. За нашим с дядей Женей столом сидит Генерал в спортивном костюме и придирчиво рассматривает салат с рукколой и хурмой.

А меня разбирает смех. Ну Макаров! Старый интриган!

От него ничего не укроется. Заметил, как меня перекрыло. И решил вышибить клин клином. Оно и правильно. Невозможно всю жизнь жить и оглядываться.

«А Генерал ничего так. И совершенно не опасный», – уговариваю саму себя, подходя к столу.

– Приятного аппетита. – Как ни в чем не бывало, сажусь на свое место напротив.

– Взаимно, – задумчиво отзывается Генерал и с усмешкой кивает на тарелку. – Вы не знаете, что это такое?

Кошусь на оранжевые кусочки хурмы и кедровые орешки, раскиданные по зеленым листьям рукколы. И улыбаюсь светски.

- Мой салат.
- А это можно есть? – с сомнением вздыхает Генерал. Снова ощупывает меня заинтересованным взглядом.
- А вы попробуйте, – роняю легкомысленно.

Глава 4

Василий

– Вы позволите? – давлю испытующим взглядом.

Девчонка тушуетя, когда до нее доходит двусмысленность фразы. По нежной шейке бегут красные пятна, а щеки заливаются легким румянцем.

Катерина усмехается, опустив голову. Но тут же берет себя в руки.

– Конечно, – соглашается непринужденно. – Я с удовольствием уступлю вам свою порцию.

Озорные умненькие глазки смотрят на меня внимательно. Будто говорят «давай, генерал! Твой ход следующий».

Но речь идет только о салате... Дурачком и несъедобном.

– А как же вы? – спрашиваю, все еще опасаясь съесть хоть ложку.

– Закажу что-нибудь другое. Марина! – поворачивается к официантке. – Оливье принесите, пожалуйста.

– Я вижу, вы тут всех знаете. Давно приехали?

– Да, – кивает девица и, получив пиалку с моим любимым салатом, начинает есть.

«Переиграла меня, коза мелкая!» – думаю весело.

Девчонка меня заводит. Действует как магнит, зараза. И тут два варианта. Оставить тарелку в сторону, заказать оливье и выставить себя долбоящером. Или пожрать траву из тарелки и дать девчонке насладиться маленькой победой. Второй вариант предпочтительней. Пусть порадуется.

Наколов пару листиков и кусочек хурмы, призываю на помощь выдержку. Жую и неожиданно понимаю: а вкусно!

– Спасибо, что уговорили, – киваю соседке.

– На здоровье, – улыбается отстраненно-приветливо. Как и любому другому обитателю санатория. И отвлекается на жужжащий сотовый.

А меня колбасит слегонца. Я-то рассчитывал хотя бы на легкий флирт с продолжением. А тут в телефоне кто-то важный.

«Вот ты и обломался, Вася», – накальвая листья рукколы, усмехаюсь невольно.

Безотчетно кошусь на Катерину. Она лениво ест и что-то читает в телефоне. Улыбается, птица маленькая. Наверняка с женихом переписывается. У такой красивой и нежной девочки обязательно должен быть кто-то.

Кстати! Мысленно даю себе бодрящий пендель. Связи! Забыл уточнить помощнику.

«И пробей круг общения Димировой Е.А», – отправляю сообщение.

«К вечеру не управлюсь. Много информации», – приходит сообщение. Моему Тарасову любой повод подойдет, лишь бы оттянуть время. Пронырливый тип.

«Присылай по мере поступления», – не даю ни единого шанса увильнуть.

«Но мне нужно сначала проанализировать информацию», – надувает щеки Тарасов.

Ага! Сейчас! Аналитик хренов.

«Не ври. Ты не умеешь», – срываю подступившую злость. И снова смотрю на Катерину. А она пропала в своем телефоне. Что-то печатает радостно. И не скрывает эмоций.

«Интересно, что за хрен ей пишет?» – доедая злосчастный салат, сжимаю зубы.

«А ты хочешь, чтобы все вокруг плашмя падали? – просыпается здравый смысл и щедро одаривает сарказмом. – Девочка молодая. Тебе в дочки годится. Ты для нее старый. Лучше Людочке позвони».

Надо бы... Но я не хочу. Не в этот раз.

Интереснее за птицей маленькой понаблюдать. Даже поболтать просто. Только сегодня. Завтра уже остыну. А сейчас накрывает, стоит только взглядом столкнуться.

– А почему вы Василия Петровича травой кормите? – раздается над ухом требовательно-шутливое. – Марина! – зовет Макаров.

– Он сам захотел, – отрывается от телефона девчонка.

– Хороший салат, – киваю спокойно.

– У нас вкусно готовят, – шумно садится за стол Евгений Ильич. – Новый повар. Теперь кухня просто отличная. И Катя у нас главный дегустатор.

– Да, гостям нравится, – кивает она на автомате и снова пишет кому-то.

– Кто там у тебя? – добродушно интересуется док. – Во время еды лучше отложить гаджеты.

– Да Настя фотки моего любимого мужчины прислала, – придвигает телефон к доктору тонкой рукой. Манжета чуть-чуть съезжает в сторону, обнажая небольшой шрам. Катерина на автомате одергивает рукав и быстро пролистывает фотографии в галерее.

– Правда, он классный!

С равнодушным видом ем дурацкий салат, тут же показавшимся мне безвкусным. Накальываю кусочек буженины с мясной тарелки. И осторожно ослабляю пальцы. А то сжимаю вилку как последний дурак. Ревность, она такая. Только откуда ей взяться на пустом месте? Посторонняя девочка. У нее кто-то есть. Тебе-то что?

Тут тебе, Василий Петрович, не обломится.

Умом понимаю. Но внутри уже поднимается холодная злость. Какой еще парень? Гнать надо поганой метлой.

– Хороший малыш, – счастливо комментирует док и протягивает телефон мне. – Мой внучатый племянник, – объясняет с гордостью. – Своих детей бог не дал. Зато у брата выводок. И восемь внуков. А этот мелкий такой забавный...

– Обожаю его, – вторит Катерина. – Настя говорит...

Непонимающим взглядом окидываю обоих. О чем вообще речь?

– Моя племянница вышла замуж за Катиного отца, – поясняет Евгений Ильич.

– Это мой брат, – добавляет девчонка, кивая на фотки в телефоне.

Какой-то ребенок ест, пьет, сидит на горшке. Очень трогательно.

– А-а, понятно, – замечаю как можно равнодушной.

Генералы детьми не интересуются. А сам облегченно выдыхаю. Нет у нее парня. И никак не пойму, что на меня так накатило.

Я эту девочку впервые вижу. Милая, нежная. Манкая такая. Но сколько их было у меня и еще будет! Так стоит ли заморачиваться на одной?

Но видимо мой организм решает иначе. Тянет меня именно к этой. Стоит только зацепиться взглядом за грудь, обтянутую тонкой спортивной кофтой, как мой боец, мирно дремавший в боксерах, приходит в движение. Приподнимает голову, блин. Самое время. Как раз весь санаторий собрался.

На пол со звоном падает вилка. Вздогнув от неожиданности, на автомате лезу поднимать. Наклонившись, мимоходом зацениваю роскошные ножки и изящные щиколотки, обтянутые белыми носочками. А когда возвращаюсь в исходное положение и кладу на стол долбанную вилку, Катерина меряет меня уничижительным взглядом.

– Приятного аппетита, – цедит недовольно. Поднимается и уходит.

– Я что-то пропустил? – строго реагирует доктор.

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Нервная девушка...

Хочу еще добавить что-нибудь про элементарное воспитание. Но от злости не могу вспомнить ни одного приличного слова. Один мат в башке.

Млять, девочка, тебя прилично вести не учили? Или бабки решают все?

– Отстаньте от нее, Василий Петрович, – веско роняет Евгений Ильич и добавляет мягко. – У нас полно доступных... кхм. экземпляров. Они прекрасно скрасят ваш досуг, – тщательно строит фразы Макаров. – И лучше охотиться на свободных территориях, чем лезть в заповедник.

– Я вас услышал, – цежу, принимая из рук официантки тарелку борща. И усмехаюсь устало. – Ну какой из меня охотник, Ильич? Погоны дают, здоровье ни к черту. Приехал вот воздухом свежим подышать и физиотерапию хоть какую пройти. Сейчас главное, по инвалидности в отставку не загреметь.

– Не прибедняйся, Василий Петрович, – иронично замечает Макаров. – Анализы твои я видел. Моча и кал хорошие. Кардиограмма тоже. И со слухом вроде бы проблем нет.

Глава 5

После обеда я выхожу прогуляться. И доктор велел, и в номере оставаться невыносимо. Девчонка взбрыкнула. Подумаешь, взглядом облапил. Не руками же полез. Обычно фифочки гламурные сами на шею вешаются. А эта строптивая попалась. Даже удивительно. Такие давно перевелись. Может, только одна Катя осталась...

В заповеднике.

Губы кривятся в саркастической усмешке. А кулаки сжимаются безотчетно.

Бесит она меня. Эта Катя. Ох как бесит.

Сворачиваю в первую попавшуюся аллею. Бреду, глядя себе под ноги.

Ну что сказать? Сам виноват. Девочка красивая, строгая. Сейчас таких не выпускают. Не то время, не те скорости. Вон отец за мамой года три ухаживал. Первый раз в кино через полгода поцеловались, интим только после свадьбы.

Я бы при таком раскладе до сих пор девственником ходил. А родители мои сорок лет в браке. И оба уверены друг в друге на все сто.

Может, поэтому я и не женюсь никогда. Одна нервотрепка от этих жен. Только и смотри, чтобы не загуляла. Уж я-то знаю!

Подняв голову, тупо пялюсь на небо затянутое тучами, а потом перевожу взгляд на собак, пробегающих по дорожке. И мыслями снова возвращаюсь к Кате.

Красивая. Но не для меня. Мне бы сдержаться. Забить. Не обращать внимания на девчонку. Молодая она еще. Точно не мой формат.

Меня любая другая телочка устроит. Даже тут, в "Соснах". К Люде ездить надо, а не хочется. Хотя и с Ильичом можно договориться, чтобы пропускали. Но это все движняк. Только мотива нет. Запала мне в душу, птица маленькая.

Впереди маячат две утки в ярких комбезах. Видел их на обеде. У каждой губы с вареник. Хорошо, хоть Катя вся натуральная. И губы, и сиськи классные!

«Опять Катя!» – одергиваю себя. И заметив как приближающиеся красавицы расправляют плечи и подтягивают животы, упрямо сворачиваю с аллеи. Резво спускаюсь по склону и сам себя подкальваю.

Ну что же ты, генерал? Двух уток испугался!

Петляю между деревьями, чтобы с аллеи не заметили. И представляю удивленные лица, не отягощенные интеллектом.

Шел человек навстречу и куда-то делся. Телепортировался, жеваный крот.

На более крутом склоне перехожу на бег. И почти сразу начинаю задыхаться. Твою мать, какого я про свои болячки забыл. Сейчас нельзя напрягаться. Чуть расстегнув куртку, перевожу дух. Смотрю на небо, на еще зеленые заросли кустарника, и дикий виноград, обвивающий террасу первого люкса.

Застываю как вкопанный, заметив на террасе Катю.

С пригорка мне видно ее почти полностью. Девчонка сидит в ротанговом кресле, укутавшись в серый пушистый плед. Нежная и немного отрешенная. В ушах наушники, а глаза закрыты.

Сон на свежем воздухе? То, что доктор прописал. Но Катерина не спит. Руки словно крылья взлетают над пушистой тряпкой. Пальцы занырявают под толстый манжет. Медленно скользят по запястью. А губы сжимаются в тонкую линию.

«Шрам, твою мать!» – догадываюсь, отступая. Не хочу мешать. И так как слон в посудной лавке. Неслышно продвигаюсь обратно и выйдя на грунтовую дорожку, бреду к горе.

А из головы не идет этот дурацкий шрам. Я видел такие. Это не суицид. А больше смахивает на отпечаток веревки, врезавшийся в кожу и исковеркавший плоть.

Сердце останавливается, стоит только подумать. Откуда у девочки из хорошей семьи на руке такая отметина? И следом другая догадка бьет по башке железобетонной сваей. Какого хрена молодая девчонка торчит одна в санатории?

Охраняемая территория. Врачи.

Папа, ясен пень, постарался. Но это не прихоть, а гребанная необходимость.

Только от одной мысли, что девочке может грозить опасность, темнеет в глазах. Кто вообще на такое способен? Нужно найти этого гада. Разобраться. Хотя наверное люди Димитрова уже все порешали.

Одно ясно, как божий день. К Кате лучше не соваться. Нужно оставить девочку в покое. Дать ей в себя прийти.

Ее охраняют, заботятся. И без тебя, генерал, справятся. Просто забей. Отойди в сторону. Но не могу! Хотя надо.

Блин, да что же это со мной делается. Обычно, вижу цель, не вижу препятствий. А тут...

«Она боится тебя, бугая здорового», – пеняю самому себе и решительно возвращаюсь в номер.

– Подъем, – бужу дрыхнувшего Панкратова. – Поедем в город.

– Это куда, Василий Петрович? – трет он глаза, мгновенно подсакивая.

– Сначала на рынок, а потом к Люде, – цежу натянуто.

Сама Люда мне неинтересна. На другом мысли заикливаются. А вот дать недостающую информацию может. Наверняка персонал в курсе. Только у Люды нет подписки о неразглашении. А вот обида на новых хозяев имеется. Идеальный информатор!

На местном рынке покупаю виноград, персики, бутылку хорошего шампанского и арбуз. И по дороге к поселку, примыкающему к санаторию, звоню.

– Ты дома? Я заеду?

– Да, Василий Петрович, я жду, – воркует в трубку Люда. И закончив разговор, наверняка бежит надевать кружевное белье.

А когда мой водитель достает всю скатерть самобранку из багажника, тоскливо смотрю на арбуз. Ну на фиг я его прикупил?

Арбуз надо есть медленно. С чувством. Вымазаться соком, а потом целоваться. Накрыть липкими губами сладкие Катины губы...

– В номере оставь, – отмахиваясь от дурных фантазий, киваю на зеленый полосатый бок. – И можешь уезжать. Я напишу, когда меня забирать.

– Так точно, – рапортует Панкратов.

Захватив пакет, быстрым шагом поднимаюсь на второй этаж. Адрес я помню еще с прошлых времен. Вот только сейчас настроение абсолютно другое.

Люда открывает дверь в шелковом кимоно, церемонно обвивает мою шею руками. Наверняка косит под гейшу. Но если ты, гейша, твою мать, то чайной церемонией и ограничимся.

– Поздравляю, поздравляю, – щебечет весело. – Это так круто, Василий Петрович, так круто.

Закатывает щедро подведенные глаза и всем своим кукольным личиком выражает великую радость. Оно и понятно. Обошла всех телок в «Соснах» на короткой дистанции. Завтра весь санаторий будет судачить. Представляю, как будет рассказывать товаркам: «Вася заезжал. Мы с ним генеральские погоны обмыли»...

Как узнают? Сама и растреплет.

Плевать. Когда бы я обращал внимание на дурацкие бабы сплетни.

– Соскучилась я, Вася, сил нет, – вздыхает Людмила. Тянется ко мне с поцелуем. И ждет, когда я признаюсь в том же. Но я врать не привык. Но и расстраивать даму не хочется.

– Чайку бы, – позволяю клюнуть себя в щеку. Протягиваю пакет с провизией и прохожу в комнату. А там уже накрыт стол и разобрана постель.

Нехорошо. Как-то я в своих раздумьях не учел самого главного. Вот дурак!
Недовольно кошусь на койку и приказываю раскрасневшейся от счастья Люде.

– Застели, пожалуйста!

– То есть как? – охает она, краснея от возмущения. Ловит ртом воздух, подбирая слова.

– Устал я с дороги. Заехал проведать. За жизнь поболтать. Назначение новое отметить.

Последняя фраза особенно льстит Людмиле. Она аж подбирается вся. Быстро накидывает на постель пушистый плед. Похожим укрывалась сегодня Катя.

Еще один триггер, твою мать. Будто девчонка рядом присутствует.

– Давай за генерала, – улыбаясь открываю шампанское. Пытаюсь выгнать из головы Катерину. Но она никуда не уходит, зараза маленькая!

– Может, водочки, – томно воркует Люда, подложив руки под пышные сиськи. Знает, чем меня заманить. Но почему-то сегодня меня больше заводят упругие полушария, обтянутые розовой спортивной майкой.

– Давай налью, – тянусь за бутылкой.

– А ты? – капризно дует губы.

– Здоровье не позволяет. Болел я сильно. Боюсь, как бы не комиссовали...

– Бедненький мой, – медленно ведет по макушке отманикюренными пальчиками. И бесит. Как же она меня бесит.

– Какой там твой! – усмехаюсь криво. – Приехал в «Сосны», а тебя и след простыл, – пеняю, будто уличил жену в измене.

– Так уволили меня, Василий Петрович. Ни за что уволили... Ни к чему теперь об этом говорить, – морщится недовольно Люда. – Давай лучше за тебя выпьем. Как живешь? Не женился еще?

– Если б женился, меня бы тут не было, – отрезаю ровным голосом. Пристально смотрю на бывшую любовницу. – Так за что уволили, Люд? Может, я с Ильичом порешаю? Вернут.

– Вряд ли, – вздыхает Людмила, залпом выпивая стопку водки и выдыхает со злостью. – Из-за этой пигалицы гадской. Орала как резанная. Все сбежались. Потом еще отцу настучала. А тот в два счета уволил. Даже не посмотрел на былые заслуги.

– А ты заслужила? – тяну насмешливо.

– Так всю жизнь считай в «Соснах» проработала. Теперь куда? Нигде не берут. Ославили на всю округу меня...

Отхлебнув шампанского без всякого тоста, вглядываюсь в печальное кукольное личико. Вроде бы сильно расстроена Люда. А глаза бегают. Будто что-то утаить хочет.

Но тут и так все ясно. Видать застучала ее с мужиком моя Катя прямо в ваннах.

«Моя?» – поперхнувшись шампанским, поднимаюсь из-за стола.

– Тебя на минете поймали? – откашлявшись, роняю брезгливо.

– Откуда ты знаешь? – изумленно охает Людмила, прижимая руки к груди. – В «Соснах» сучки наболтали?

– Догадался, – мотаю головой. – Много ума надо? Пока, Люд, – прохожу в прихожую.

– погоди. Куда же ты? Я думала, мы посидим... – спохватывается она, бежит следом.

– Прости, я не пью из лужи, – бросаю, выходя за дверь.

– Странно! А раньше хлебал и не морщился! – кричит вслед Людмила.

По большому счету, она права. Раньше я трахал все, что двигалось. Но тогда в моей жизни не было Кати Димировой.

Птица моя маленькая, что же ты со мной делаешь?

Глава 6

В санаторий я возвращаюсь окольными путями. Нужно продышаться на свежем воздухе. Да и в башке навести порядок. Медленно бреду через рощу. И все пытаюсь понять, какой хрен понес меня к Людмиле?

«Долбоящер, блин. Как в навозную кучу вступил», – думаю ощерившись.

Желтые листья приятно шелестят под ногами, а сквозь ветки проглядывает теплое сентябрьское солнышко.

Хорошо! Тут и дышать, и думать легче. Когда в последнее время я оставался один? Разве что дома, когда заваливался домой ближе к утру и, плюхнувшись в постель, отрубался до утра. А там все по новой. Служба, нервотрепка, начальство, девочки.

Телефон дребезжит в кармане, отвлекая от грустных мыслей.

– Да, мама, – улыбаюсь довольно. Мама у меня замечательная, только хлопотливая больно.

– Ты доехал, Васенька? Как тебя встретили? Номер хороший? – она всегда беспокоится, словно я маленький мальчик.

– Все нормально. Приехал. Устроился. Все хорошо.

– А то я волновалась...

– Ну что со мной может случиться? Я ведь генерал, все-таки...

– Да знаю я, – с гордостью выдыхает мама. – Но когда человек один, всегда плохо, – вздыхает мама. И я уже прекрасно знаю в какую сторону опять задул ветер. Женидьба, вашу ж налево!

– То есть одинокий здоровый мужик, по твоей версии, больше подвержен всяким рискам, чем когда он с женой и детьми? Странная теория, мам, – замечаю я, стараясь не нагрубить. И закончив разговор, неожиданно представляю рядом Катю и парочку мелких сопляков.

И сам вздрагиваю от неожиданности. Привидится же такое! Отгоняю прочь дурное видение. Ускоряю шаг.

Как бы я не мечтал, Катя Димирова не для меня. Слишком я старый. Генералов любят девушки за тридцать. А у двадцатилетних ровесники на уме. Да и папаша ее с меня семь шкур сдерет. И я его понимаю. На такой девушке жениться надо, а я не обучен нежностям. Вот как с такими птицами райскими обращаться? Только на руках носить.

Это же не Люда. Сто грамм выпил и в койку. Тут особый подход нужен.

«Кстати!» – мысленно бью в лобешник, вспоминая совершенно пустой разговор. Информации ноль, зато осадочек остался. Придется самому, как обычно.

«Что там по материалам? Я жду», – на ходу печатаю сообщение помощнику.

«Через полчаса пришлю все файлы», – тут же заверяет он.

Снова погружаюсь в мысли. Служба, Катя, подковерные игры, снова Катя. И изумленно натываюсь на растерянную парочку, стоящую на дорожке. Мужчина с боевой выправкой и симпатичная женщина в синем плащике. О чем-то спорят. Жестикулируют. А заметив меня радостно улыбаются. Как родному. Наверняка, вышли из санатория и сбились с дороги. Местные тут ходят нечасто. А наших, сосновских, обычно тянет погулять и заблудиться.

– Здравия желаю, – бодро произносит мужчина с военной выправкой.

Киваю в ответ.

– А как к санаторию выйти, не подскажете? – спрашивает он, а женщина уже чуть не плачет.

– Следуйте за мной, – замечаю коротко. – Я тут все тропки знаю.

– Нам вас господь послал, – тараторит женщина радостно. – Спасибо большое, а то нам срочно вернуться надо, а телефон сел.

– Мой сел, а свой Лора забыла, – вздыхает мужик и добавляет с досадой. – Вроде ходили тут несколько раз. А сегодня прям как отводит.

– Тут нечистая сила не водится. Слишком высоко. – усмехаюсь я лениво.

Люди смеются. А я все пытаюсь угадать это супружеская пара, или на время отпуска подженились. И ничего не пойму. По виду вроде супружеская. Но дергаются, как неродные. Странно.

Дорогой говорим про санаторий, врачей, медсестер и диету.

– Да нас все устраивает, – замечает женщина. – Вкусно готовят. Процедуры хорошие.

И тут же оживляется. Радостно вертит головой.

– Ой, мы уже пришли. Спасибо вам.

– Да не за что, – пожимаю плечами. – Любой бы на моем месте помог.

– Вы где были? – раздается рядом знакомый голос.

От корпуса по полутемной аллее к нам спешит Катя.

– Я уже хотела Евгению Ильичу звонить и искать вас с собаками.

– С Маркизом и Лайзой? – ляпаю первое, что приходит в голову.

– Добрый вечер, – сдержанно здоровается Катерина. Не вздрагивает, не глядит раздраженно. Просто здоровается. И то прогресс за один день.

– Зря вы не пошли с друзьями на прогулку. Можно было бы к Черной скале сходить, – улыбаюсь я довольно и украдкой рассматриваю Катерину.

Но сейчас на ней тонкий трикотажный костюм и длинный стеганный жилет. Фиг что рассмотришь из-под него! Не жилет, а братская могила, честное слово! Это ж надо умудриться одним махом все похоронить. И грудь, и ноги, и тонкую талию.

– Катя, представляешь! – торопливо докладывает Лариса. – Мы в лесу заблудились. Вроде, когда с тобой ходили, все понятно было. Спасибо Василию Петровичу! Вывел нас!

В каждой фразе море счастья и умиления, будто я их из деревни в Москву вывез.

– А зачем вы туда пошли? – недоуменно вздыхает Катя. – Вы же в кино собирались.

«Ну как зачем? – отвечаю мысленно. – Потрахаться где-нибудь на опушке. Словить долбаный романтик».

– Василий Петрович, еще раз вас благодарим, – Юра, бывший майор спецназа, подает на прощание руку. За час небольшим он умудрился выложить мне всю биографию и послужной список. Вот только главное утаил – личное знакомство с Катей Димировой.

– Может, у нас чаю попьем? – робко предлагает Лариса и преданно заглядывает Катерине в глаза. Теперь ясно, кто тут главный. – Катюша, ты не против? – вздыхает мягко. – Все-таки, Василий Петрович нас вывел и тебе не пришлось поднимать на уши охрану. Тем более, у нас торт.

– Конечно, – восклицает Катя, не задумываясь. – Мы вас приглашаем, Василий Петрович. У нас «Медовик» свежий. Юра в кондитерскую специально ездил. Соглашайтесь!

– С удовольствием, – киваю я, совершенно не ожидая от себя такой прыти. Да и сладкое я не особо люблю. А другой десерт мне вряд ли обломится.

– Как вам обновленные «Сосны»? – светски интересуется Катя, пропуская вперед сладкую парочку. Юра с Ларисой деловито шагают к корпусу. И наконец до меня доходит. Это же Катина обслуга! Юра- телохранитель, а Лариса – горничная, медсестра или два в одном. Видимо, роман у них. А Катя знает и позволяет встречаться. Хотя по правилам, это категорически запрещено.

Ну какой из Юры охранник, у него все мысли другим заняты.

– Кхм, – откашливаюсь я, понимая, что пауза затянулась. И на автомате распахиваю дверь в корпус. – «Сосны» мне всегда нравятся, – обвожу задумчивым взглядом холл. – Но сейчас налажена более четкая организация. Хотя еще рано судить. Я только сегодня приехал.

Говорю и сам удивляюсь. Меньше суток прошло. А я уже влип по полной. Умудрился втрескаться в папенькину дочку. Аж зубы сводит, твою мать. И мне, как сопливому салаге, достаточно просто идти рядом. Говорить. Вдыхать запах легкого селективного парфюма.

– Надолго вы к нам?

– Двадцать один день. Если не вызовут, конечно, – рапортую бодро. А сам сжимаю руку в кулак, пытаюсь справиться с непонятным волнением. Сносит мне башку. Честное слово, сносит.

– Часто вызывают? – жалостливо интересуется Катя, сворачивая к первому люксу. Электронным ключом открывает дверь.

– Да, раз на раз не приходится.

Шагнув внутрь, обалдело таращусь по сторонам. От моего первого люкса не осталось и следа. Видимо объединили несколько номеров и сделали полноценную квартиру.

– Прошу, – указывает Катя на комнату с приглушенным освещением.

– Чай какой заварить, Катюша? – интересуется из кухни Лариса.

– У гостя спросите, – улыбается моя птица.

– Любой, – отмахиваюсь поспешно.

Чай? Да все равно! Мне бы остаться с девчонкой наедине. Просто поговорить. Посмотреть на нее. Запомнить.

– Проходите, почувствуйте себя как дома, – снова светски приглашает Катя, снимая жилет. Замешкавшись, снимаю спортивную куртку и как дурак пожираю взглядом тонкую девичью фигурку и упругую задницу.

– А у вас тут действительно домашняя атмосфера. Очень уютно.

– Спасибо, – снова кивает Катя и я вдруг замечаю тонкую жилку, бьющуюся у нее на шее. Так и хочется коснуться ее губами. Вот же она, Катя! Стоит рядом. Только руку протянуть.

«Хладнокровнее, Ордынцев!» – приказываю самому себе. И неожиданно теряюсь. О чем говорить, если все мои мысли ниже пояса? Если я, гребанный баян, взгляд от девчонки отвести не могу.

– У Лары сегодня день рождения, – поясняет Катерина, обхватив себя обеими руками. – Поэтому у нас торт и очень вкусное мясо. Шеф-повар специально к ужину запекал. Хотите? Вам диета позволяет?

– И диета, и религия, – губы сами собой растягиваются в улыбке. И впервые в жизни я не знаю, куда деть руки.

Глава 7

Ларе только дай кого-нибудь накормить. Когда я захожу на кухню, на стеклянном обеденном столе уже красуется все содержимое нашего холодильника: мясной рулет, сухая колбаса, маслины с оливками, отбивные и запеченная картошка.

Я-то думала, что мы обойдемся тортиком и рулетом, но видимо Лара моя решила как следует отблагодарить своего спасителя.

– Ничего, что я все достала? – спрашивает она торопливо. – Я очень испугалась, Катюша. Юра стоит посреди тропинки как дурак и не знает куда идти. А мы же там сто раз ходили. Ладно я не обращаю внимания, куда иду. Но он-то точно изучил все тропинки. Спасибо Василию Петровичу, вывел!

– А то бы остались в роще на зимовку, – тяну насмешливо и добавляю добродушно. – Вино достань, пожалуйста. У нас вроде бутылка осталась.

– Конечно, сейчас-сейчас, – хлопчет моя верная Лара. – А ты зови его, пока все горячее, – кивает на комнату, где, судя по тяжелым шагам, расхаживает Генерал.

Губы безотчетно растягиваются в улыбке, стоит только увидеть его фигуру в полутемной гостиной. Мужчина стоит ко мне спиной и задумчиво рассматривает картину на стене. Хотя что там можно разобрать в приглушенном свете? Пользуясь моментом, залипаю взглядом на широком развороте плеч, потом невольно засматриваюсь на крепкий торс, будто выточенный из камня и сильные мускулистые ноги.

Генерал инстинктивно поворачивается, а я тушусь. Сердце несется в бешенный галоп и останавливается, стоит нам только встретиться взглядом. Карие глаза пожирают меня с головы до ног. Но и я не могу отвернуться. Так и палимся друг на друга, будто стараемся запомнить каждую черточку. Пространство словно накаляется. Искры сыплются в разные стороны от наполнивших комнату электрических зарядов. Еще секунда и коротнет.

С кухни слышатся быстрые Ларины шаги.

– Катюша...

Меня обдаёт жаром, потом холодом, потом снова жаром. В груди полыхает огонь, готовый испепелить изнутри как птицу Феникс.

– Да-да, идем, – стискиваю холодные пальцы, стараясь прийти в себя.

– Прошу к столу, Василий Петрович, – приглашаю учтиво. Только само приглашение больше напоминает козье бляение.

– Благодарю, – четко по-военному отвечает Генерал. Спокойный и уверенный, будто и не было ничего.

«А может и не было? – думаю, бредя на кухню. – Может, мне, идиотке, показалось».

Как показалось больше года назад, что я встретила своего человека. Одно неверное суждение, один неправильный шаг и жизнь покатилась с горы, разбиваясь об острые камни. Всего один промах. Один-единственный.

Отвлекаюсь от грустных мыслей, гоню их прочь вместе с воспоминаниями. И снова пялюсь на Генерала. На него невозможно не смотреть. Кажется, этот человек сразу занимает все пространство и притягивает внимание.

– А где Юра? – крутит головой Генерал и смотрит добродушно-строго. Как отец-командир.

– У него голова разболелась. Он прилег, – лепечет Лара, всплескивая худенькими ручками.

«Юра времени зря не теряет, – усмехаюсь мысленно. – Пока Генерал здесь, можно и подушку примять. Логично».

У меня пока один телохранитель. У второго охранника, Миши, умер брат и он уехал на похороны. Через пару дней должен вернуться.

– Тогда пьем за именинницу! – провозглашает Генерал, разливая по бокалам хорошее чилийское вино, купленное в прошлый приезд отчимом.

Завороженно смотрю, как темно-красная жидкость льется в пузатый стеклянный бокал. И молчу. Обычно я не пью. Противопоказаний уже нет, но что-то не хочется. А тут...

– Катюша, – шепчет Лара предупреждая.

– За вас, Ларочка, – тянусь к бокалу. И зажав в пальцах тонкую ножку, чокаюсь сначала с помощницей, а затем и с Генералом.

И снова попадаю в плен карих глаз. Просто наваждение какое-то!

– Кушайте, кушайте, – отвлекает нас друг от друга Лара.

Тащу к себе в тарелку несколько маслин, лист салата и ломтик рулета. А вот над генеральской тарелкой колдует Лара. Злюсь на нее. Нужно было самой...

И усмехаюсь мысленно. Смешно ревновать постороннего человека, взрослого мужчину. Особенно в первый день знакомства. Особенно Генерала. Да и каким бы он не был прекрасным человеком, но через двадцать дней, а то и раньше уедет. И никогда больше не вспомнит о бедной девочке Кате.

Да и куда мне до него!

Человек в тридцать восемь дослужился до генерала. А я в свои двадцать один только доставляю родителям проблемы. Ни образования, ни профессии. Как грудничок с няньками. Ясное дело, услуги Лары и охраны стоят недешево, но папа до сих пор боится меня оставить одну.

Помню его лицо там, в Батуми. Сведенные челюсти, желваки на скулах. Дикая ярость в глазах. И боль.

– О чем задумались, Катя? – с улыбкой интересуется Генерал.

И ест. Божечки-кошечки, как же он ест! Быстро, аккуратно отправляет в рот все подряд, словно хлеборезка какая-то. Но на него приятно смотреть. Даже взгляд оторвать нельзя.

– Да так, ни о чем, – роняю улыбаясь в ответ.

Мне нравится этот мужчина.

«Если он и любовью занимается так же, как ест, то я пропала», – мелькает в башке шальная мысль. Гоню ее прочь.

Рассказываю смешные местные байки. И эта тема приходится Генералу по душе. Он радостно откликается анекдотами из жизни знакомых. Он ест, я смотрю. И не сразу понимаю, когда из кухни выходит Лара. Зато Генерал замечает все и сразу.

– Какие-то проблемы, Катя? – спрашивает, как только Ларины шаги стихают в конце коридора.

Оглядываюсь назад. Никого нет поблизости. Мы вдвоем на кухне. И в моих апартаментах тоже.

– Да я никак понять не могу, почему мои сбились с дороги, – выдаю первое, что приходит в голову. Ну не про секс же рассказывать. – Юра – профессионал. Он сам тут все дорожки обошел. А потом и мне показал. Он не мог заблудиться, Василий Петрович.

Говорю и чувствую, как в душе нарастает тревога. Что-то неправильное входит в мою жизнь. Или я зря паникую?

– Да, странная ситуация, – недовольно морщится Генерал. – Но пока какие-то выводы делать рано.

Смотрит на меня пристально, так что по телу бегут мурашки, и заявляет решительно.

– Вот что, Катя... Я, конечно, поговорю с Юрой перед уходом, но на всякий случай, запиши мой номер телефона.

Глава 8

«А девочка смышленная», – думаю, внимательно слушая Катю.

Все она вычислила правильно. Майор спецназа не мог заблудиться в рощице около дома, где прожил год. Это исключено. И тут две версии. Или майор липовый, или играет со стороны противника. Но наверняка, люди Диминова проверили подноготную бывшего майора. Тогда в чем дело?

– Пока ты была одна, ничего не происходило странного? – спрашиваю Катерину. – Может, кто в дверь стучал, или под окнами ходил?

– Кроме вас сегодня к нашей террасе никто не приближался, – улыбается она весело. А в глазах пляшут озорные чертики.

– Прикольнo, да? – стараюсь понять причину веселья.

– Я заметила вас, когда вы на цыпочках обратно уходили, – поясняет Катя, убирая со стола пустые тарелки. – Это было очень забавно, Василий Петрович.

«Блин, – усмехаюсь мысленно. – Еще никому в мире не пришло в голову назвать меня забавным. Узнают пацаны, засмеют. Забавный, твою мать».

– Чем же?

– Будто боялись меня разбудить, – признается Катерина. И радостная улыбка не сходит с ее лица. Словно светом озаряет и без того красивую девочку.

– Да ты не спала. Руками махала как крыльями, – фыркаю я. А сам добавляю про себя.

«Птица моя райская!»

Поднявшись из-за стола, несу свою тарелку в мойку.

– Ой, сидите, я сама! – охает она, доставая их холодильника торт.

Да я и сам удивляюсь собственному порыву. Первый раз прийти в гости и уже хлопотать на кухне? Это точно не про меня!

Что же ты со мной делаешь, девочка?

Ставлю тарелку рядом с другой грязной посудой и безотчетно кладу ладонь на крышку пузатого заварочного чайника. На автомате переставляю его на обеденный стол, даже не удосужившись спросить Катю.

– Ой, это мой лечебный сбор, – причитает она, смеясь. – Чай я сейчас заварю.

Тушуюсь как пацан и пожимаю плечами.

– Он на виду стоял. Вот я и решил...

– Я бы тоже так поступила, – улыбается мне Катерина.

Эта улыбка нутро греет. Теплота разливается, заполняя даже самые темные закоулки души. Нравится мне эта девчонка. Очень нравится. Жаль, что чаепитием все и ограничится. Не подхожу я ей. Хоть тресни. Старый авторитарный тип. Ну какой из меня птицелов?

Наблюдаю, как девчонка достает какие-то баночки и еще один заварочный чайник. На этот раз прозрачный. Сыплет чай, заливает кипятком. Задумчиво смотрю как чайники крутятся по спирали, а потом оседают на одно, как вода в один момент окрашивается в светлый оттенок охры, а потом темнеет.

И в который раз мысленно даю себе по ушам. Ты, Вася, совсем с катушек съехал? В голове каша, в боксерах сплошной головняк? А девочка в защите нуждается. Голуби эти шизокрылые больно странные. Юра с Ларисой. Какого хрена их днем в рощу трахаться понесло? Какие проблемы, если комнаты рядом?

– А если серьезно, Катя, может, что-то случилось, пока Юры с Ларой не было. Неспроста они тебя одну бросили, – осторожно подбираю слова, чтобы не напугать. А сам как последний балбес пялюсь на Катины руки.

Девочка режет торт, потом один кусок кладет на тарелку и передает мне. Тонкая ткань рукава плавно съезжает в сторону. В глаза бросается красная нитка изуродованной кожи. Сантиметра три, не больше.

Стопэ! Если б это было повреждение кожи от веревки, так называемый тканевый ожог, то шрам бы тянулся браслетом по периметру. А так... небольшой кусочек. Может, это тату? Специально выбила? А я разволновался. Идиот.

– Да не бросал меня никто, Василий Петрович, – вздыхает Катя, разливая по чашкам чай. – Я им сама предложила прогуляться. Это вышло спонтанно. Мне хотелось остаться одной.

– Почему?

– У них роман, им бы потискаться, а мне эта возня уже надоела. Они ведут себя как дети.

– Даже так? – приподнимаю бровь. – Странно, что их не заменили. Правилами запрещены любые личные отношения персонала.

– Так никто не знает, – вздыхает Катя. – Вы тоже никому не говорите, пожалуйста. Нельзя рушить чужие жизни. Им хорошо вдвоем. Территория охраняется. Если уж нападут, Юра сумеет меня защитить.

– А от кого ты прячешься, Кать?

– От бывшего, – нервно передергивает она плечами и на автомате касается запястья.

Всего одно движение, а у меня внутри поднимается буря. Сука. Орнитолог хренов. Найду тебя по-любому. Все кости переломаю.

– Кхм. Плохо расстались? – спрашиваю, пытаюсь держаться спокойно. А внутри все клочет от гнева. На волевых приказываю себе успокоиться. Но куда там!

– Типа того, – кивает Катерина. – Его посадили даже. Но потом родственнички выкупили.

– Твари, – роняю порывисто.

– Ага, – соглашается Катя. – Говорят, он меня ищет...

– А ты?

– Прячусь и жду, когда забудет. Должен же он когда-нибудь меня забыть?

– Наверное, – киваю на автомате.

А сам мысленно усмехаюсь. Да хрен тебя забудешь, девочка! Ты одна такая.

Взгляд скользит по длинным волнистым волосам.

«Интересно, какие у Кати волосы на ощупь?» – размышляю я, в последний момент пресекая дикое желание потянуться и накрутить на палец тонкую прядку.

И услышав легкие шаги в коридоре, перевожу взгляд на торт. В кухню поспешно входит Лариса.

– Ой, вы все убрали, – тянет разочарованно.

– Позовите, пожалуйста, Юрия, – прошу, желая прогнать назойливую Катину помощницу куда подальше. – Хочу с ним потолковать кое о чем.

– Да-да, конечно, – поспешно кивает она и послушно спешит обратно, давая нам с Катей несколько минут уединения.

Мне бы насмотреться на Катерину. Запомнить. Будет ли еще возможность посидеть вот так мирно вдвоем, я не знаю, но и эту упускать не хочу.

– А хотите, я вам свои картины покажу? – неожиданно предлагает Катя.

«Йес! – ликую в душе как пацан. – Меня никто не гонит. Можно задержаться».

– Конечно, – киваю солидно. – Люблю живопись.

«Ага, знаток хренов, – хмыкаю про себя. – Ты же до последнего считал слово «биеннале» новомодным ругательством, пока знающие люди не просветили».

– Тогда пойдем, – решительно поднимается из-за стола Катя. В один шаг оказываюсь рядом. Мы стоим в непозволительной близости. Я даже чувствую запах ее волос. Нотки цитрусовых и шоколада. Вкусно. Очень. Инстинкты берут вверх. Нависаю над девчонкой тенью.

Ловлю Катино дыхание. Тихое и обжигающее одновременно. И слышу как колотится мое собственное сердце.

Девчонка замирает на месте. Смотрит на меня глазами полными желания. А потом как затвор передергивает.

– Вам пора, – отстраняется резко.

Глава 9

– Счастливым оставаться, – отрезаю спокойно и выхожу из апартаментов.

Внутри все кипит от бешенства. Зараза маленькая обломала меня. Нет, я ее понимаю. Это я дурак. На себя злиться надо. А лучше пенделя дать бодрящего. Изловчиться и врезать. С ноги.

Маленькой израненной птичке еще надо прийти в себя. Встретить хорошего парня, а не такого балбеса, как я. Влюбиться. Выйти замуж. Понятное дело, эта история не про меня. На кой мне жениться? Любая по свистку прибежит. Остепениться... Завести семью... Да ну на фиг!

«Тем более, Василий, – подсказывает мне здравый смысл голосом генерала Кирсанова, моего первого командира. – Тебе нечего предложить этой девочке. Лучше отойти в сторону».

Ага, щаз!

Кулаки сжимаются сами собой, а скулы сводит от злости.

Будто разъяренный Кинг-конг несусь по коридору к себе.

«Что там Тарасов? – вспоминаю, захлопнув дверь в номер. – Если сейчас не будет полного отчета, раз*бу по полной программе!»

Плюхнувшись на постель, открываю телефон. Бегло пролистываю файлы отчета. Тарасов постарался. Видимо понял, что вопрос жизни и смерти. Его собственной. Вот и нарыл максимально.

Ай молодца!

Подскочив с постели, достаю из дорожной сумки ноутбук. Включаю на ходу. И усевшись за стол, внимательно вчитываюсь в каждое слово.

Досье Димировой Е.А.

Господи, как официально! Это всего лишь Катя. Моя Катя.

«Когда это она стала твоей, – подтрунивает здравый смысл. – Шел бы ты своею дорогой, Василий Петрович. Отстань от девчонки. Ни ты ей не подходишь. Ни она тебе. Ты даже в детстве раненых птиц домой не носил. Стоит ли сейчас начинать?»

Не спорю. С каждым словом согласен. Вот только мой организм думает иначе. Тянет меня к этой девочке. Безумно тянет. И если с ней что-то случится...

Да не допущу я этого! Любому вломлю за нее.

«Так. Что тут у нас?» – более пристально просматриваю отчет. И никак не могу понять, где моя птица оступилась и обожгла крылышки.

До девятнадцати лет жила с матерью. Училась в школе, ходила в музыкалку, поступила на мехмат местного универа. А потом в начале второго курса перевелась в МГУ и переехала к отцу в Москву. Отучилась почти два семестра и в апреле взяла академ по состоянию здоровья. Умотала в Турцию на пять месяцев, а потом вернулась уже в «Сосны».

Значит, беда с ней в апреле случилась. Стоп. Стоп. Она с отцом жила или сама.

Быстрым взглядом нахожу нужную информацию. Квартира в Плотниковом переулке оформлена на Катерину. Жила она там с молодым человеком. Сокурсником.

В душе поднимается странное непонятное чувство, которое я, клянусь мамой, никогда раньше не испытывал. Черная ревность затопляет нутро и тупой болью давит на мозги, сбивая напрочь крышечку.

«Спокойно, Вася, – успокаиваю себя. – Спокойно».

Что там дальше? Перелистываю страницы. А вот важная информация. Люди Димирова забрали Катерину ранним утром. А примерно через час менты забрали хахалю.

А это что за долбоящер? Пролистав несколько страниц натыкаюсь на белобрысого баклана с выбритыми висками и дурацкой ухмылкой на лице.

Антон Масловский.

Твою ж мать! Организатор банды хакеров. Вместе с парочкой таких же недоумков запускал людям вирусные программы, взламывали компы и телефоны, а потом шантажировали, захваченной информацией. Быстро пробегаю глазами по скупым строчкам уголовного дела. Катя моя даже не упоминается. Вот и хорошо.

– Мне нужна вся инфа по этому Масловскому, – звоню Тарасову. – Где сейчас окопалась эта тварь? Накопай все, что возможно.

– Так точно, – рапортует помощник.

А я, ощерившись, вглядываюсь в довольную будку Катиного бывшего.

– Скоро в армию пойдешь, сученыш, – предупреждаю недобро. И неожиданно понимаю, что это самый простой способ обезопасить Катю. – А я уж постараюсь загнать тебя, падла, куда подальше. За год, глядишь, человеком станешь. А что? Интернета нет, телефон только кнопочный. Плюс марш-броски и добрая старая дедовщина. Тебе понравится, ушлепок.

Довольно потираю лицо. Устал что-то я за сегодня. День был длинным. Поспать бы. Но надо по-быстрому обуть Масловского в солдатские сапоги, а там можно и на боковую.

И снова возвращаюсь к информации о Кате. Родители развелись давным-давно. У каждого своя семья. Мать почти сразу вышла замуж, а отец женился недавно на Катиной ровеснице.

«Прикольно, – усмехаюсь криво. – Значит и меня должен понять!»

И как дурак отмахиваюсь от глупых мыслей.

«Хотя, почему глупых?» – пресекаю привычные страхи. Девочка хорошая. Меня к ней тянет. И ей я тоже вроде не безразличен. А раны... Так я залечу. И уж точно к генеральской жене никакая сука на пушечный выстрел не подойдет.

Резко подскочив, выхожу на балкон. Нужно продышаться. Привыкнуть к мысли. Подумать ее снова.

Все же так просто, твою мать.

Надо жениться на Кате. Обогреть. Защитить.

Из меня спасатель, конечно, так себе. Девочке кроме защиты еще и верность нужна. А я... полигамная скотина. Да еще и охотник. Это сейчас, когда гон и хочется заарканить птицу, я на все готов. А что потом? Пройдет год или два и мне снова захочется налево. Она страдать будет, а я – врать.

«Не захочется, – екает внутренний голос. – А если потеряешь ее, дураком будешь», – предупреждает словно Минздрав.

Потерять Катю?

Немыслимо. Только от одной мысли серпом режет по всем местам. И когда я успел привязаться к девчонке? Не понимаю. Но и потерять ее не могу. И сжав кулаки, принимаю решение.

Не отпущу тебя, птица райская. Приручу обязательно. И штампы в паспорте поставим, как будешь готова. Давить не стану, боже упаси.

Звонок сотового отвлекает от размышлений.

– Да, Тарасов, что там у тебя? – спрашиваю с улыбкой.

Тот с облегчением выдыхает в трубку. Командир в хорошем настроении, и подчиненным награда.

– Проверил я, товарищ генерал. Масловский этот белобилетник. К нашему ведомству отношения не имеет, только в случае общей мобилизации может быть призван делопроизводителем.

– Нормально устроился, – усмехаюсь я. – А какой диагноз у нашего дефективного?

– Плоскостопие, товарищ генерал, – тараторит помощник.

– Плоскостопие?! – повторяю изумленно. – Так солдатские сапоги быстро все проблемы исправят. Лучшая ортопедическая обувь в мире.

Тарасов вежливо хихикает, а я приказываю непререкаемым тоном.

– Свяжись с областным военкоматом. Объясни ситуацию. Я лично курирую этот случай. Нужно проверить все диагнозы Масловского. Пусть назначат повторное обследование. Если по медицине окажется туфта, попросим прокуратуру возбудить уголовное дело об уклонении. Все. Исполняй, Тарасов. И мне докладывай о каждой чихе. Понял?

Глава 10

Катя

Захлопнув дверь, обессиленно прислоняюсь спиной к стене. Выдыхаю, стараясь унять глупую дрожь. Но бесполезно. Паника захлестывает с новой силой.

На негнущихся ногах бреду к себе в спальню и без сил опускаюсь на постель.

Этот взгляд... Заинтересованный. Жадный.

Так смотрел на меня Айрат. В тот первый раз, когда попала на бои без правил.

Словно наяву вижу мужчину, больше похожего на зверя. Дикого и опасного.

Он стоит углу ринга, лениво оглядывая переполненный зал. Поднимает руки в знак приветствия и тут замечает меня. Я чувствую этот момент нутром. И аж задыхаюсь от возбуждения. Он готов меня сожрать. Здесь и сейчас. Разложить на ринге на глазах сотни человек. И меня девятнадцатилетнюю девчонку, это заводит. Никто никогда не смотрел на меня таким взглядом. Внимание Айрата льстит. Кивком головы он показывает на меня кому-то из организаторов. Но мужчина в униформе лишь качает головой.

Видимо знает, кто я. И пытается втолковать Айрату.

А я – Диминова! Папина дочка.

И пришла сюда с Алишером, папиным партнером по бизнесу, главным распорядителем боев. А мой отец, кажется, один из учредителей этой безумной забавы.

Поэтому руками не трогать!

Поморщившись, Айрат мотает головой и снова впивается в меня взглядом. Что-то дикое и ненасытное проглядывает из-под маски обычного борца.

Мне бы встать и уйти. Но я, как дура, не отрываясь смотрю на диковинного зверя и почему-то верю, что смогу его приручить.

Это же так прикольно!

Весь бой я как полоумная слежу за каждым движением Айрата. Он побеждает с явным преимуществом. И сам бой больше похож на избиение.

«Уходи!», – шепчет здравый смысл. Но я сижу как приклеенная и не могу оторвать взгляда от этого шоу.

За минуту до окончания боя Айрат поднимает над головой поверженного противника и швыряет его к моим ногам.

Вскрикиваю от неожиданности и ужаса. Паника захлестывает с головой. А страх, потанный и черный, уже сжимает щупальцами мое глупое сердце.

Не сразу, но до меня доходит весь ужас ситуации. По сути, я здесь одна. Алишер, хоть и сидит рядом, но противостоять Айрату не сможет. Да и куда ему? Не та физическая форма и комплекция.

– Не бойся, – берет меня за руку Алишер. – Айрат сегодня разбушевался. Это шоу. Но как закончится, ты сразу уходишь, Катя, – заявляет он решительно и кивает здоровому охраннику, стоящему в проходе. – Вова проводит тебя до машины. И больше сюда ни ногой. Зря я повелся на твои уговоры.

Да я и сама не приду. Даже если мне приплатить, откажусь.

– А если папа узнает? – лепечу жалобно.

– Раньше надо было думать, – ворчит Алишер и добавляет с усмешкой. – Не боись. Димиру сейчас не до этого.

И спрыгнув с платформы, отделяющей зрительный зал от ринга, спешит награждать победителя.

– Екатерина Александровна, – окликает меня Вова, прикрывая спиной от яростного взгляда Айрата.

Всего одна минута. Одна единственная! Но лона дает нам фору. Быстрым шагом иду по коридорам к парковке. И только сев в машину, выдыхаю.

Ну и приключение, божечки-кошечки!

Рассказать бы кому. Но Настя – моя самая близкая подруга – обиделась на меня и перестала общаться. Даже в другой ВУЗ перевелась. Я, конечно, налажала по полной. Надо было раньше признаться, что нет у меня никакой дислексии. Но мне так нравилось слушать Настины объяснения. А потом все накрылось медным тазом. В один миг.

И Настя не простила. А потом не простила я.

Это сейчас, через полтора года мы общаемся как и раньше. Но тогда... узнав о романе отца и моей подруги, я просто сошла с ума. Забрала у меня! Присвоила. Гадина.

Если б они мне сказали сами, я бы, наверное, отреагировала по-другому. Но в тот момент меня накрывает темная безысходность.

Никому не нужна. Никому.

Если честно, я много наделала глупостей. Вела себя как последняя идиотка. До сих пор стыдно. И перед Настей, а еще больше перед отцом.

«Папа, – улыбаюсь сквозь слезы. Подтянув коленки к груди, прикрываю глаза. – Он всегда стремится помочь мне, не смотря ни на что».

Даже в той гнусной истории с Масловским, не поверил моим оправданиям, но безоговорочно встал на мою сторону. Отправил меня в Стамбул, а из уголовного дела исчезли все упоминания обо мне. Хотя я толком не вникала в дела приятеля, но Антон и его друзья решили все свалить на меня. И если бы не папа, меня бы оговорили и дали срок.

Но может, лучше было бы отсидеть. Пусть и по заведомо ложному обвинению. Все что угодно, лишь бы не попадаться в лапы к Айрату!

Всю дорогу до Шереметьево я реву белугой. Мне кажется, все меня предали. Отец, Антон, Настя.

Папин водитель хмуро косится на меня, а затем останавливает машину.

– Перестань ныть, Катерина, – басит он недовольно. – На вот. Попей воды. Полегчает. – Протягивает мне бутылку.

Делаю пару глотков и прошу.

– Денечка, миленький, отвези меня на вокзал. Я к маме уеду. Пожалуйста!

– Мне из-за тебя работу терять не хочется, Кать, – пресекает он всякие разговоры.

Затихаю, стараясь свыкнуться с безысходностью.

Стамбул, так Стамбул. Там тоже люди живут.

Уже на подъезде к Шарикю, на меня накатывает полное безразличие. Даже в сон клонит и немного подташнивает.

Прикрываю глаза. Всего лишь на минуточку и распахиваю их уже на борту самолета. Рядом сидит ухмыляющийся довольный Айрат.

– Как себя чувствуешь, севгили? – спрашивает участливо и тут же просит стюардессу. – Принесите, пожалуйста, моей невесте стакан воды.

В голове шумит, уши закладывает, хотя самолет еще и не думал взлетать.

– Мне надо выйти, – хочу подняться с места. Но ноги не слушаются, а язык заплетается. Кулем падаю обратно в кресло.

– Садись поудобнее, милая. Что-то ты совсем разболелась у меня, – театрально вздыхает Айрат. Деловито убирает подлокотник между нами. Как куклу притягивает меня к себе. Накрывает пледом. Одна рука ложится мне на грудь и сжимает ее до боли, а другой Айрат достает из кармана какую-то шипучую таблетку, похожую на аспирин. Опускает ее в стакан с водой и подносит к моим губам.

– Пей, Катя, – приказывает строго. – Не зли меня.

Задохнувшись от возмущения, пытаюсь вырваться. Но мой мучитель одним тычком под ребра пресекает глупую попытку неповиновения. Боль черным тяжелым одеялом накрывает с головой. Глаза застилают слезами, а легкие давит от вакуума. Хватаю воздух губами, как пойманная рыба.

– Пей, Катя, – угрожающе повторяет Айрат. И я пью. Пью.

Содрогнувшись от воспоминаний, поднимаюсь с кровати. Словно больная, медленно бреду на кухню за успокоительным. И глядя на расписной заварочный чайник, неожиданно вижу крупную мужскую руку, лежащую на нем.

Генерал!

«Хороший мужик», – выдыхаю облегченно. Благородный. Но явно не для меня. Как бы нас не тянуло друг к другу.

Налив красноватую жидкость в чашку, нервно делаю глоток, затем еще один. А потом залпом допиваю оставшийся напиток.

Все. Теперь хоть ночью усну. И уже направляюсь к себе, когда слышу в коридоре быстрые шаги Ларисы.

«К Юре поскакала», – думаю, улыбаясь.

Естественно, Василий Петрович прав. И надо было сказать папе о романе моей obsługi. Но с некоторых пор я не лезу в чужую жизнь. И пресекаю любые попытки вломиться в мою.

«Пусть хоть кто-то порадует», – думаю я, входя в комнату, и тут же вздрагиваю от душераздирающего крика.

– Юра-а!

Аж сердце останавливается от неожиданности. Здравый смысл отключается напрочь и в дело вступают инстинкты. По инструкции мне надлежит спрятаться и позвать на помощь охрану санатория. Но резко развернувшись, я бегу на помощь друзьям. И в ужасе замираю на пороге Юриной комнаты.

Глава 11

«Приветик, Кот, ты добрался до своего санатория?» – приходит дурацкое сообщение от Инги.

«Да, нормально все. Спокойной ночи», – отрезаю любые попытки поболтать.

«Я все-таки тебя люблю. Не забывай об этом», – настойчиво печатает она.

«Мы расстались, кажется», – отвечаю я и отбрасываю телефон в сторону.

Да какого хрена? Любовь к этой женщине давно померла. Да и была ли она? От Инги меня никогда не торкало как от Кати. Первое время льстил самолюбию сам факт нашей связи. Такая эффектная блондинка рядом. Все мои пацаны головы посворачивали. Да и не только пацаны. Но и депутаты, бизнесмены на всяких приемах, куда она меня водила. Ей тоже было по кайфу. Все подруги обзавидовались. Только это не любовь вовсе. Одни декорации. Да и сама Инга пустая и шумная. Ничего за душой, только обалденный фасад.

Ну какая любовь, Инга? Не смей меня, кукла пластмассовая.

«Небось, на очередной улучшайзинг бабки понадобились», – усмехаюсь криво.

Откинувшись в кресле, закрываю глаза. И тут же проваливаюсь в легкую полудрему. Ко мне приходит Катерина в кружевном пеньюаре. Залипаю взглядом на декольте. Одним пальцем спускаю с плеч дурацкую тряпку. Тянусь с поцелуем...

И вздрагиваю от резкого стука. Ничего не соображая спросонья, подрываюсь с места. Распахиваю дверь и изумленно пялюсь на Катю, стоящую на пороге. Испуганную и бледную.

Какого хрена? Что происходит? Провожу ладонью по затылку, смахивая с себя последние остатки сна.

– Что случилось? – рычу, втягивая девчонку в номер.

– Там, – задыхается она от волнения. – Там...

– Выдыхай, – чуть сжимаю тонкую руку. И сразу меня торкает не по-детски. Будто я монах хренов и никогда за руку никого из женщин не держал.

В трюсах головастый друг приходит в движение. Только от одного прикосновения. Такое бывает? Так и хочется сграбастать девчонку в охапку и унести в постель. Но сердце разрывается от тревоги. Не просто так Катерина ко мне прибежала. Случилось что-то. Хорошо хоть, сама цела. Да я любого порву за нее.

– Катя, – заглядываю в лицо.

– Там... Юра... на полу весь в крови. Я не знаю, что делать... – заламывает она руки. – Евгению Ильичу уже позвонила. И в скорую. Но мне страшно, – прикасается к вискам Катерина. – И Лариса с Юрой. А я одна. Побудьте со мной, пожалуйста, пока папа замену не пришлет.

В больших черных глазах стоят слезы. Грудь вздымается по тонким свитерком.

«Господи, девочка! Да я же с удовольствием!» – ликую мысленно. И заявляю строго.

– Конечно, Катя. Мне с тобой пойти или ты здесь останешься? Второй вариант предпочтительнее. А к тебе я сам схожу. Все проверю и вернусь.

– А можно так? – охает Катерина и добавляет смущаясь. – Я бы осталась. Мне страшно...

– Тебе все можно, – улыбаюсь я. – Тут тебя точно никто искать не будет. Можешь даже поспать.

– Нет, я подожду, вы только возвращайтесь быстрее, Василий Петрович, – умоляет Катерина.

Василий Петрович, мать вашу! Да меня с двадцати пяти лет по имени отчеству зовут, но только сейчас такое обращение раздражает. Ну какой я тебе Петрович, девочка?

– Никому не открывай, – велю строго. – И лучше ни к двери, ни к окнам не подходи.

– Да, я знаю правила, – послушно соглашается девчонка.

Робко проходит в комнату, садится на диван.

– Телевизор включить?

– Нет, спасибо.

Высочив в коридор, только сейчас замечаю на ногах тапки на босу ногу. Эх ты, Вася-Вася! Совсем головой поплыл. Кроссовки бы обул, что ли?

«Да ладно, плевать. Я и босой отобьюсь», – усмехаюсь криво. Решительно захожу в первый люкс, где около Юры хлопочет Лариса. Накладывает повязку на рану, бинтует голову. Ни врачей, ни охраны.

Что происходит, бл*ть?

– Что с ним? – спрашиваю резко.

Женщина дернувшись, поднимает на меня глаза.

– Кажется, кома, Василий Петрович, – всхлипывает она. По лицу потоком льются слезы, но Лариса не обращает на них никакого внимания. – Жив он. Видимо травмировался при падении.

– Врача вызвали?

– Катя сразу позвонила Евгению Ильичу, – вздыхает Лариса, утирая слезы. – И в скорую.

«Молодец девчонка! Не растерялась», – улыбаюсь мысленно.

– Чем помочь? – в упор смотрю на Ларису.

– А Катя где? – отвечает она вопросом на вопрос.

– В безопасности, – ухожу от прямого ответа. И снова повторяю, – Чем помочь, Лариса?

– Переложить бы его на кровать, – всхлипывает она. – А то на полу холодно.

– Он ничего не чувствует. А до приезда скорой лучше не беспокоить. Мало что там еще там повреждено. Врачи разберутся.

Первый принцип тактической медицины. Не навреди. Окажи первую помощь и отнеси товарища к специалистам. Игра в доктора может только покалечить или отправить на тот свет.

Но Лариса, кажется, медсестра. Свое дело знает.

– Я поеду с ним, – запальчиво восклицает она. Не просит, не умоляет, а именно утверждает. – Позаботьтесь о Кате, пожалуйста, до приезда Евгения Ильича, – просит спохватившись.

Киваю коротко и иду проверять периметр. Мало ли. Может проник кто, воспользовавшись переполохом.

Но в гостиной и на кухне все, как и час назад. Окна закрыты, а шторы задернуты. Даже намек нет на присутствие посторонних. Быстрым шагом перехожу в спальню. Стараясь не смотреть на двуспальную койку, застеленную белым покрывалом, сразу пружу к балкону. Осматриваю дверь и небольшое окошко. Все нормально. И в последнюю очередь заглядываю в дальнюю комнату. Яркий свет бьет по глазам, стоит только щелкнуть выключателем. Прищурившись, кошусь на картины, стоящие у стены и один незаконченный пейзаж на мольберте.

Первым делом, проверяю окна и закрываю скрипучие ставни. А затем снова возвращаюсь к картинам. И как замороженный глазею на Катини работы. Очень талантливо. Может, я ничего не смыслю в живописи, но в каждом холсте чувствуется бьющая через край энергия. А свет и тени, выписанные удивительным образом, наполняют картину жизнью. Я бы повесил такой пейзаж у себя в кабинете. И дома, и на работе...

В коридоре слышатся чьи-то шаги и шум голосов. Выйдя в коридор, натываюсь на Ларису. Женщина комкает платок и в ужасе смотрит на врачей и охранников.

– Все обойдется, – сжимаю худое плечико.

– Да, да, спасибо, – плачет она.

В свой номер я возвращаюсь сразу, как только несчастного Юру увозят в реанимацию.

Замок жужжит тихо, стоит к нему приложит карточку. Почти бесшумно открываю дверь и, войдя в номер, улыбаюсь как дурак. На диване, свернувшись калачиком, спит Катерина. Инстинктивно хочется укрыть ее. Уберечь. Позаботиться.

Повинуясь внезапному приступу нежности, достаю из шкафа флисовый плед, осторожно укутываю тоненькую фигурку мягкой теплой тканью. А сам сажусь в кресло около стола. Потянувшись за сотовым, нахожу с десяток сообщений от Инги. Но даже отвечать не желаю. Просто глазею на Катю и улыбаюсь как дурак.

Девчонка ворочается во сне, всхлипывает. О чем-то жалобно просит какого-то Айрата. И открыв глаза, ойкает от неожиданности.

– Все в порядке, девочка. Ты в безопасности, – в полшага оказываюсь рядом. – Все хорошо.

– А-а, это вы, – вздыхает она с облегчением. Как будто в моем номере может еще кто-то находиться!

– Ты уснула, – улыбаюсь я, садясь рядом на корточки.

– Простите, не выдержала, – признается она улыбаясь. А я за малым не тянусь к пухлым губам. Такой соблазн коснуться. Но останавливаю себя.

Не вспугни, Ордынцев. Не вспугни.

– Что с Юрой? – встрепенувшись спрашивает Катерина, отвлекая меня от фантазий.

– Скорая увезла. По всей видимости, кома. А вот как он в нее впал, следакам придется разобратся.

– Да, папа уже отправил к нам безопасников, – шепчет Катерина. – И подключил полицию.

«Твою ж мать, – морщусь мысленно. Проклинаю в душе вездесущего Димирова. – А у тебя, Вася, не так уж и много времени. День. Максимум два».

– Давай чай пить, Катя? У меня, правда, обычный в пакетиках. Зато есть сыр и колбаса, – предлагаю на правах хозяина.

– Я не голодна, но чаю бы попила, – садится Катерина, откидывая в сторону плед. Опускает ноги на пол. И меня снова кроет. На этот раз от тонких изящных щиколоток. Обхватить бы их пальцами, заставив девчонку вскрикнуть. Повалить на диван. Зацеловать.

Но нельзя. Пока нельзя.

– Кать, – рывком поднявшись на ноги, неожиданно решаюсь на разведку боем. – Что происходит? Можешь объяснить? Не люблю, когда меня используют в темную.

Глава 12

– Что? – как от тока дергается Катерина. Мазнув по мне растерянным взглядом, опускает голову. И снова становится потерянная и убитый.

– Кать, – давлю взглядом. – Посмотри на меня.

Девчонка нехотя поднимает глаза, полные слез.

Ну вот что с этим делать? Утешать девушек я не умею. Обычно их слезы меня раздражают. А тут... Хочется сгрести в охапку. Согреть. Зацеловать. Стереть с красивого личика каждую гадскую слезинку.

– Давай поговорим серьезно, как взрослые люди, – вздохнув, присаживаюсь на край дивана. – Согласна?

Опустив плечи, Катя понуро кивает в ответ. Деваться ей сейчас некуда. Помощь нужна, и она о ней попросила, а значит, должна ввести в курс дела. Иначе, это больше похоже на самоубийство.

– Я не пойму, с чем мы столкнулись, – начинаю аккуратно. И только сейчас до меня доходит главное. Это не Масловский, твою мать. Тут зверь посерьезнее. У бывшего студента нет таких денег и ресурса нет для войны с Димировым. Тот, конечно, молодец. Успевает закрыть тылы. Но и противник, сука, попался нешуточный.

– Я понравилась одному борцу. Он одержимый. Знаете, есть такие бои без правил? – снова опустив голову, лепечет Катя. Тербит в пальцах край туники. – В первый раз меня вовремя вывели из зала. Но этот человек узнал кто я. Навел справки и затаился. Тем более, он давно хотел отомстить моему отцу.

– За что? – прерываю резко. Санта-барбара, блин. Какое отношение отморозенный борец может иметь к Димирову?

– Айрат... Его зовут Айрат, – торопливо поясняет Катерина. – Он злился на моего отца. А досталось мне.

– Димиров ему в морду поднес? – усмехаюсь я.

– Да, наверное. Папа хорошо дерется. Но по мнению Айрата он должен был сохранить нейтралитет в одной давней истории. Но отец решил по-другому и вмешался. И Айрат затаился. Ждал, когда можно будет ударить Сашу Димирова побольнее.

– Тебя похитили?

– Можно и так сказать. Папа отправил меня в Турцию, поручил отвезти в аэропорт доверенному лицу. А тот опоил меня какой-то дрянью и овощем передал на руки Айрату.

– Предателя наказали?

– Сразу выгнали. Как только когда я вернулась. А так работал себе спокойно. Даже когда к стенке приперли, орал, что не виноват. Вот же гнусь!

– Ноги в тазу с цементом попарили? – шучу от безысходности. На душе тяжело, твою мать. Все гораздо хуже, чем я мог представить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.